

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

*Пермский государственный национально-исследовательский университет (ПГНИУ), Россия
Доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, кандидат филологических наук**Perm State National Research University, Russia
Associate Professor of Journalism Department, PhD
elena_vlasova@list.ru***«ГЕОГРАФИЧЕСКИ В АЗИИ»: ДЕСЕМИОТИЗАЦИЯ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ГРАНИЦЫ В
УРАЛЬСКОМ ТРАВЕЛОГЕ XIX ВЕКА**

Вопрос о евро-азиатской границе был и остается важным фактором геополитического статуса России. Обращение к уральским травелогам XIX века позволило конкретизировать те смыслы, которые определяли отношение российской общественности к феномену евро-азиатской границы в период активного формирования государственной идеологии. Предпринятый анализ путевых описаний выявил следующие особенности в их интерпретации: неустойчивость локализации, замена топоса Азии на более важный для российского пространства топос Сибири, несовпадение географической и ментальной границ, неопределенность основного значения. Смысловая редукция евро-азиатской границы поддерживалась еще одним влиятельным фактором, связанным с формированием местной идентичности. К концу XIX века происходит преодоление транзитного образа Урала, что снижает значимость границы в целом. В итоге идея евро-азиатского рубежа не обрела саморазвивающегося эмоционального и смыслового наполнения - ни внутри уральского пространства, ни вне его. Сегодня евро-азиатская граница приобретает новое геополитическое значение и становится важным ресурсом национального и территориального брендинга. Тем более значимым становится обращение к прошлому и осмысление его опыта.

Ключевые слова: евро-азиатская граница, травелог, уральский травелог XIX века, ментальная карта, образ Урала.

**“GEOGRAPHICALLY IN ASIA”: THE DE-
SEMIOTIZATION OF THE EURASIAN
BORDER IN THE URAL TRAVELOGUE OF
THE 19TH CENTURY**

Question about the Eurasian border was and still is a very important factor of the geopolitical state of Russia. An appeal to the Urals XIX century travelogue allows to specify those meanings, which define the position of a Russian society to the phenomenon of the Eurasian border in the period of an active forming of a state ideology. Undertaken analysis of the travel descriptions have revealed following features of its interpretation: instability of the localization, replacing “Asia” with a title that is more important for the Russian space - “Siberia”, mismatch of the geographical and mental boundaries, and uncertainty of the main meaning. Semantic reduction of the Eurasian border was maintained by another influential factor, connected with the forming of a local identity. By the end of the 19th century the transit image has been overcome and this fact reduces the significance of a border in general. As a result, an idea of the Eurasian frontier did not get self-developing emotional and semantic content – not within the Ural space nor outside of it. Nowadays the Eurasian border acquires a new geopolitical meaning

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

and becomes a very important resource of the national and territorial branding. The more significant becomes the reference to the past and understanding of its experience.

Key words: Eurasian border, travelogue, Ural travelogue of the 19th century, mental map, image of the Urals.

История уральской локализации евро-азиатской границы

Как известно, научное обоснование проведения евро-азиатской границы по Уральскому хребту было представлено одновременно двумя учеными: шведским географом Ф.И. Страленбергом в книге «Северная и восточная части Европы и Азии» (1730) и В.Н. Татищевым в работе «Общее географическое описание всея Сибири» (1736). Решающим аргументом в пользу Уральских гор послужил тот факт, что они являются естественным водоразделом между европейскими и азиатскими реками.

Следующий важный шаг в утверждении уральской локализации евро-азиатской границы сделали ученые, возглавившие отряды уральской экспедиции Императорской Академии наук в конце XVIII в. Последовательное описание геологии, гидрологии, флоры и фауны уральского массива, представленное в отчетах П.-С. Палласа, И.И. Лепехина, И.-П. Фалька, подтвердило гипотезу В.Н. Татищева.

Как писал Л. Вульф, еще «в восемнадцатом веке существовали различные точки зрения на местонахождение границы между Европой и Азией: иногда ее проводили вдоль Дона, иногда — вдоль Волги, а иногда, как и сегодня, вдоль Урала»¹. Благодаря открытию Страленберга-Татищева дрейф евро-азиатской границы на восток, наблюдавшийся в ходе формирования геокультурной карты Евро-

пы, остановился на Уральских горах. Сегодня уральская локализация евро-азиатской границы считается основной. Резюмируя подробнейший обзор географических концепций по поводу евро-азиатской границы, А.А. Чибилев отмечает: «Анализ многочисленных вариантов евро-азиатской границы между Каспийским морем и Северным Ледовитым океаном свидетельствует о том, что ключевое место в них занимает Уральский хребет. Это связано с тем, что Урал – единственное горное образование Евразии, вытянутое по меридиану, что нарушает общую картину субширотного орографического строения материка»². Ученому представляется очевидным, «что это видели и видят многие, практически все исследователи границы от Татищева и Страленберга до современных ученых»³.

Однако в XIX веке версия Страленберга-Татищева не получила общего признания. Более того, в 1850 году авторитетнейший немецкий ученый Александр фон Гумбольдт, подводя итоги своих научных наблюдений, сделанных в том числе на Урале, высказал мысль, что границы между Европой и Азией не существует, поскольку Европа – часть Азии. Среди скептиков оказывается также Д.И. Менделеев, который в 1906 году, после своей поездки на Урал, напишет, что «отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с те-

¹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2004. С.39

² Чибилев А.А. Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления. Сайт РГО. URL: <http://old.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya>. Дата обращения: 15.03.2015

³ Чибилев А.А. Там же.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

чением времени сгладится и, вероятно, даже пропадет»⁴.

Ментальный характер евро-азиатской границы и задачи империостроительства

Конечно, вопрос о евро-азиатской границе никогда не был сугубо географическим. Скорее, его нужно отнести к сфере культурной и гуманитарной географии, которая касается ментальных границ мирового устройства. В.Л.Каганский заостряет это положение в парадоксальном противопоставлении ментальной и географической сущности евро-азиатской границы: «Граница Европы культурно вполне реальна, но географически условна, она постоянно смещается»⁵.

Вопрос о рубеже Европы и Азии стал важной частью европейской идентичности. В исследованиях, посвященных проблемам формирования ментальной карты Европы, не раз отмечалось, что представление о границе между Европой и Азией, Западом и Востоком постоянно менялось, поскольку в интеллектуальных практиках Европы Восток превратился в «социальный маркер»⁶ (И.Нойманн). Границы, отделяющие Восток от цивилизационного центра, роль которого была возложена на Западную Европу, становились «культурным инструментом»⁷ (Л.Вульф) в процессе выстраивания идентичностей.

Для России XIX века, которая находилась в активной фазе становления государственной идеологии, вопрос о границе между Европой и Азией

приобрел важнейшее геополитическое значение. Сформированная в николаевскую эпоху доктрина «официальной народности», которая запечатлелась в знаменитой формуле С.С.Уварова «православие, самодержавие, народность», держалось на противопоставлении России Западу. Как отмечает С.В.Удалов, «на первый план выдвигалась национальная самобытность русского государства и общества, определяющая их самостоятельное от выработанных западноевропейской цивилизацией политических и общественных ценностей развитие»⁸. Построенная на негативной идентичности, эта идеология не получила должного инструментального наполнения. «В идеологических конструкциях национальных начал России, разработка которых была закончена к концу XIX века, не было характерного для других стран присутствия ценностей важнейших институтов, артикуляции сословных, корпоративных и групповых интересов, признаков культурного наследия аристократии или патрициата, становящихся основой консолидации общества, образцами для подражания и ориентации»⁹ – так характеризует особенности русской политической культуры XIX века Л. Гудков.

Оттолкнувшись от Запада и одновременно придерживаясь колониального отношения к Востоку, Россия замерла в пограничном состоянии Европы-Азии. Подобное положение при неопределенности собственного, третьего, пути провоцировало идеологическое и политическое брожение. Общество разделилось на славянофилов и западников. Формируемые интеллектуальной элитой теории резко противоречили друг другу, расшатывая процесс идеологической консолидации. К концу века

⁴ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб, 1912. С.143.

⁵ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.126.

⁶ Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С.267.

⁷ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2004. С.239.

⁸ Удалов С.В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация. Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – Саратов, 2005. URL: <http://www.dissercat.com>. Дата обращения 10.03.2015.

⁹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С.125.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

идеологическое противостояние разнонаправленных концепций не только не ослабло, но приобрело поистине континентальный размах. Одним из самых острых в этом смысле становится противостояние идей В.С.Соловьева о жертвенности России в процессе объединения Европы и Азии, с одной стороны, и утверждения Н.Я.Данилевского о выходе на мировую арену нового культурно-исторического типа – славянства, которое должно противостоять агрессивному наступлению Европы, с другой. Обе теории не смогли остановить споры вокруг евроазиатского статуса России, породив новую волну противостояния и напряженности. Однако было в этих позициях и нечто общее: они приглушали значение евро-азиатской границы как рубежа, разделяющего континент. Таким образом, крупнейшие философские концепции XIX века склонялась к нивелировке евро-азиатских рубежей, совпадая с новейшими идеями географической науки.

В ситуации размытости представлений о геополитических перспективах евроазиатского статуса Россия, тем не менее, должна была решать вполне конкретные политические задачи, связанные с освоением восточных окраин, хозяйственное и административное состояние которых требовало безотлагательных государственных мер. Известный исследователь Дальнего Востока А.В. Ремнев, давая характеристику колониционных процессов на востоке Российской империи, отмечал: «Со второй половины XIX века движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х годов формулируется как новый национальный курс на создание «единой и недели-

мой» России»¹⁰. Тем самым, новые политические установки на империостроительство и необходимость усиления восточных рубежей также способствуют стиранию евро-азиатской границы как этнокультурного барьера. Таким образом, как в географической, так и в гуманитарной и общественно-политической сферах, значение границы на протяжении XIX века все более редуцировалось.

Роль травелогов в осмыслении евро-азиатской границы

Описание путешествий занимает особое место в уральской историографии. Удаленность от цивилизационных центров, сложный горный рельеф и суровый климат долгое время сохраняли за Уралом ореол terra incognita. Исследование этой земли было связано с торговыми, дипломатическими, а позднее научными и литературными поездками европейских, арабских и русских путешественников. В результате сложился представительный корпус путевых отчетов, который положил начало формированию образа уральского пространства в русской культуре. В XIX веке травелогги продолжали оставаться основным инструментом дискурсивного освоения уральского пространства. Ведущую роль при этом играли писательские и журналистские путешествия. Преобладающим значением образа Урала, сформированного в «писательском» очерке XIX века, становится транзитный характер пространства. Ф.Ф. Вигель (1806), А.И. Герцен (1835), П.И. Небольсин (1846), П.А. Кропоткин (1862), К.М. Станюкович (1885), И.С. Левитов (1882), Н.Д. Телешов (1891) и многие другие описывают Урал как один из этапов своего вынужденного или добровольного путешествия в Сибирь. В этой влиятельной группе травелогов за-

¹⁰ Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX - начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 226.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

крепляется образ преддверия Сибири, основной характеристикой которого является пограничность – между центром и периферией, цивилизацией и «диким полем», свободой и каторгой, а в целом – между своим и чужим пространством. Только к концу XIX века благодаря блестящим очеркам В.И. Немировича-Данченко и творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка формируется самостоятельный образ уральского пространства как горно-заводского «государства в государстве»¹¹.

Наше обращение к путевым описаниям уральской границы Европы и Азии позволит конкретизировать те смыслы, которые определяли отношение российской общественности к феномену евро-азиатской границы, с одной стороны, а с другой – повлияли на формирование образа Урала, активное освоение которого как одной из восточных окраин продолжалось на протяжении всего XIX века. Путешествия, в силу их особой культурной миссии, связанной с расширением и открытием пространства, активно формировали географические представления. Об этой функции путешествия, в частности, писал Л. Вульф. Анализируя механизмы формирования ментальной карты Восточной Европы, исследователь заметил, что каждый «путешественник считал себя вправе дополнять, исправлять и пояснять воображаемую карту ... в своем сознании и сознании своих современников»¹². Действительно, путешествие предполагает открытие и в каком-то отношении «изобретение» открываемого пространства, которое строится на постоянном сопоставлении своего и чужого. Можно сказать, что путешественник находится в состоянии перехода, сопоставления, а значит, переживания границы. Казалось бы, путешественники с особым интересом должны были отнестись к евро-

азиатской границе, феноменология которой позволяет активизировать пространственную рефлексию. Однако уральские травелогеры практически единодушно зафиксировали достаточно отстраненное отношение к официальным обозначениям евро-азиатского рубежа.

Демаркация евро-азиатской границы

В историографии Урала топоника евро-азиатской границы носила дорожный характер, поскольку ее обозначение было связано в первую очередь с путешествиями по главной магистрали, ведущей из Центральной России в Сибирь, – Сибирским трактом. По гипотезе Татищева граница должна была пересекать Сибирский тракт в самой высокой его точке, т.е. на местном пике евро-азиатского водораздела. Так, например, определил эту точку Ф.Ф. Вигель, автор популярнейших мемуаров, проезжавший через Урал в составе китайского посольства в 1805 году. По его мнению, она размещалась между Билимбаевским заводом и деревней Решеты: «Казенный Билимбаевский завод находится на самой вершине Урала; следующая же за ним станция Решета на противоположном спуске...»¹³. В принципе, Вигель верно назвал часть Сибирского тракта, где находился перевал через Уральский хребет. Позднее немецкие ученые А. Гумбольдт и Г. Розе уточнили координаты самой высокой точки Сибирского тракта между Пермью и Екатеринбургом – они совпали с координатами южного склона горы Березовой. Эта гора стала главным географическим объектом евро-азиатской границы.

Инициатива по демаркации евро-азиатской границы принадлежала чиновникам Уральского

¹¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург: исторический очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12. Екатеринбург: Свердловгиз, 1948-1951. 259.

¹² Вульф Л. Ук.соч. С.37.

¹³ Вигель Ф.Ф. Записки (1805-1806) // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Красноперова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. 27.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / "Geographically in Asia": The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

горного управления, которое являлось одной из самых влиятельных структур местной власти. Идея эта возникла накануне визита наследника престола, будущего императора Александра II, который путешествовал в сопровождении поэта В.А. Жуковского по России, Уралу и Сибири. В течение XIX века знак несколько раз реконструировали: дерево было заменено на мрамор, а в 1873 году на вершине пирамиды был укреплен золоченый двуглавый орел, одна голова которого смотрела на Запад – в Европу, а другая – на восток, в Азию, символизируя объединяющую и сторожевую миссию Российской империи. Эта реконструкция пограничного знака была приурочена к проезду через перевал возвращавшегося из кругосветного путешествия Великого Князя Алексея Александровича. Таким образом, установка евро-азиатского знака должна была продемонстрировать патерналистские и верноподданнические чувства уральского сообщества и была связана с процессом окончательного слияния некогда колонизированной территории с основным телом российской империи. Второй официальный знак был установлен в 1878 году во время строительства Уральской горнозаводской железной дороги. Эти две точки на пути из Перми в Екатеринбург определяют локализацию евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века. Транссибирская дорожная магистраль (Златоуст-Челябинск), открывшаяся позднее УГЖД, не получила такого потока путевых описаний, как эти два магистральные пути, и потому не оказала большого влияния на формирование образа евро-азиатской границы.

Путевые очерки сохранили достаточно подробное описание обоих пограничных знаков. П.А. Кропоткин, например, следуя по Сибирскому тракту, специально остановился у обелиска, внимательно осмотрел его и даже сделал карандашный рисунок. Объединение в тексте дневника словесной зарисовки и графического изображения подчеркивало желание путешественника воспроизве-

сти увиденное как можно нагляднее: «В то время, когда я смиренно лежал в тарантасе и думал, какую бы роль разучить мне хорошенько, Петров говорит: "А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли". Я закричал: "Стой, это граница". "Да, Уральский хребет", – заметил ямщик. Действительно, на высшей точке главной цепи поставлен около дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне "ЕВРОПА", с другой – "АЗИЯ". Около столба избушка, где живет сторож»¹⁴.

Еще более тщательно сделано описание евро-азиатских указателей, установленных возле Уральской железной дороги: «Европейская станция – последняя на западном склоне Урала и в 12 верстах за нею у станции Уральской, составляющей высший пункт железной дороги, граница Европы и Азии. Граница эта в нескольких саженях от станционных зданий обозначена особой звездочкой в середине круга, выложенного из разноцветных камней. Для того чтобы и ночью ясно обозначить границу, поставлены две решетчатые железные колонны, наверху коих зажигаются фонари с ярко блестящими на стеклах левой и правой стороны надписями: Европа и Азия»¹⁵. Симптоматично, что установка новых пограничных столбов далее связывается с уже существующей традицией: «Колонны на Уральской станции поставлены в подражание тем каменным столбам с такими же надписями, которые исстари существовали и существуют на утратившем свое значение Большом Сибирском тракте»¹⁶. Автору этих строк журналисту «Московских ведомостей» С.А. Кельцеву, сопровождавшему в поездке на Урал великого князя Михаила Николаевича Романова, по «долгу службы» было по-

¹⁴ Кропоткин П. На пути в восточную Сибирь // Документы по истории литературы и общественности. Вып. 4. Дневник Кропоткина. – М.-Л.: ГИХЛ, 1923. С.25-26.

¹⁵ Кельцев С.А. От Москвы до Екатеринбурга (Из путевых заметок) // Кельцев С.А. Из поездки на Урал. М., 1888. С. 53.

¹⁶ Там же.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

ложено подчеркнуть преимущество верноподданнической традиции.

Еще одна важная маркировка границы была связана с наименованием железнодорожных станций, расположенных рядом с ней. Пограничный знак был установлен в 6 км от станции Европейская, а далее за ней «следует Уральская, а вслед за тем Азиатская»¹⁷. Названия станций намеренно фиксируют близость евро-азиатской границы, простое упоминание их по ходу следования отражает момент перехода из Европы в Азию, и наоборот: «Эти три станции своими названиями напоминают путешественнику, что он переезжает из одной части света в другую...»¹⁸.

Граница между Европой и Сибирью

И все же при всей настоятельности официальных усилий, факт евро-азиатской границы не стал полноценным феноменом уральского ландшафта. Большинство травелогов проявили сдержанность в ее описании и оценке. Показательна в этом отношении «пограничная» саморефлексия Н.Д. Телешова: «Оба столба... вызывают в путниках какое-то неопределенное чувство, похожее не то на смущение, не то на радость»¹⁹. Неопределенность чувств, испытанных путешественником, как представляется, связана с общей смысловой неопределенностью этого рубежа российской географии.

Попробуем разобраться в причинах подобного отношения, выстроив последовательность смыслов, которые сопровождали описание евро-азиатской границы в путешествиях XIX века.

Травелогеры первой половины столетия не зафиксировали большого интереса к теме евро-

азиатской границы. Дело в том, что многие путешественники не замечали самих Уральских гор: «Мы не заметили, как перевалились через эту знаменитую цепь Уральских гор; более ста верст, все на изволок въезжали мы, и немного круче стали спускаться»²⁰ (Ф.Ф. Вигель).

Для Вигеля и его попутчиков, ехавших в составе официального посольства в Китай, важнее оказывается рубеж между Пермской губернией, которая в их представлении являлась последним оплотом европейского комфорта, и Сибирью: «Чрезмерно уставши, на общем совете положили мы остановиться и переночевать в селе Сопинине и там проститься с Пермскою губернией и Модерахом, то есть с прекрасными дорогами. Однако же в этом селении не мог я много отдохнуть: мне отвели особую избу, где первый раз в жизни увидел я человека с рваными ноздрями; это был ее хозяин. Каюсь в своей трусости: я заставил солдата нашего отделения ночевать с собою»²¹. Таким образом, ментальная граница оказывается важнее географической, определяя более актуальные «географические ощущения»²² (Л.Вульф) путешественников. В данном случае понимание евро-азиатской границы совпадало с представлением о границах цивилизованного мира, который заканчивался при въезде в Сибирь.

Можно предположить, что после установки пограничных знаков, дискурсивный потенциал евро-азиатской границы резко возрастет. Но этого не случается. Количество фиксаций увеличивается, но качество содержательных оценок практически не меняется, – даже после того, как во время реконструкции памятника на столбе появилось символическое навершие в виде двухглавого орла. Неопределенность локализации и семантики евро-

¹⁷ Кичеева В. В страну золота и печали (Путевые наброски) // Колосья. 1890. № 9. С. 98.

¹⁸ Кельцев С.А. Ук.соч. С. 53.

¹⁹ Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: Очерки. Москва: Типография «Товарищество И.Д.Сытина», 1897. С.26.

²⁰ Вигель Ф.Ф. Ук.соч.С.27.

²¹ Вигель Ф.Ф. Ук.соч. С.29.

²² Вульф Л. Ук.соч. С. 38.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

азиатской границы сохраняется на протяжении всего XIX века.

П.И. Небольсин, проезжая по Сибирскому тракту в 1846 году, не заметил ни границы, ни пограничного знака. Как и Вигель, Небольсин едет не из Европы в Азию, а из России «вглубь Сибири», при этом смена пространства маркируется им на основании экономического и социокультурного единства Урала и Сибири: «С Урала и далее вглубь Сибири начинаются расспросы и разговоры о золоте, о новых открытиях в золотопромышленности, о новых подвигах разных громогласных золотых компаний»²³.

В 1883 году писатель и журналист И.С. Левитов, пересекая границу по железной дороге, также не ощутил ни особенного подъема, ни торжественности момента: «Дорога по Уралу так незаметно подымается в гору, что все представления наши о высоких Уральских горах пропадают, точно иллюзии»²⁴.

Привычное неразличение горной гряды и евро-азиатского рубежа соседствует у Левитова с не менее ожидаемым акцентом на сибирской границе: «Мы доехали до сибирской границы или черты, разделяющей Пермскую и Тобольскую губернии, на 69 версте от Тюмени, часам к 9 утра. Скромный памятник из кирпича с гербами двух смежных губерний украшает эту границу»²⁵.

Об искусственности евро-азиатской границы пишет и уже упоминавшийся С.А. Кельцев. Он напрямую говорит о том, что указатель границы является только символическим обозначением, а

настоящая Сибирь начинается через 400 верст за Уралом.

«Перевал через Урал не представляет никаких особо ошутительных подъёмов с запада и спусков к востоку: на пути между Европейской и Уральской станциями, также как и далее между Уральской и Азиатской, первой за Уралом, станциями, поезд идёт почти равниной, окружённой, как и раньше, унылым захудалым лесом, и только каменная звёздочка и фонари с надписями ночью указывают, что Европейская Россия осталась сзади и началась географическая Сибирь. По административному же делению Сибирь, считая границу Тобольской губернии, находится ещё далеко от этого места, в 400 верстах за Уралом, и на правой стороне его железная дорога идёт по Верхотурскому, Екатеринбургскому и далее за Екатеринбургом по Камышловскому уездам Пермской губернии»²⁶.

Значение уральского перевала как дороги в Сибирь закрепляется еще в одном сюжете, связанном с сибирской каторгой. Знаменитый писатель и путешественник В.И. Немирович-Данченко, написавший великолепные очерки об Урале, оформил это значение в экспрессивном рассказе о том, как арестанты, идущие этапом в Сибирь, возле столба Европа-Азия останавливаются, чтобы бросить последний взгляд на родину: «Страшное место! Сколько слез пролито здесь! Несчастные в кандалах в последний раз оглядывались здесь назад, на свою навеки-вечные покидаемую родину! Далекий, неприятный, чужой и холодный край начинается отсюда!»²⁷

Таким образом, в травелогe XIX века пограничность Уральских гор понималась как рубеж между европейской Россией и Сибирью. Топос Сибирь в силу своего особого значения для русской истории и культуры и, как следствие, высокой дис-

²³ Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Красноперова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С.89.

²⁴ Левитов И. С. От Москвы до Томска // Русская мысль. 1883. кн. 7. С.12.

²⁵ Левитов И. С. Ук.соч. С.13-14.

²⁶ Кельцев С.А. Ук.соч. С.53-54.

²⁷ Немирович-Данченко В. Кама и Урал: (очерки и впечатления). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. С.560.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

курсивной оформленности оказался актуальнее достаточно размытого топоса Азия.

В поисках Азии

Несформированность представлений об Азии проявляется и в ее замещении обобщенными образами своего и чужого пространства. В частности, для многих путешественников гораздо важнее темы перехода из Европы в Азию оказывается архетипический сюжет прощания с домом. Пожалуй, наиболее выразительно он запечатлелся в путевых записках двадцатилетнего Петра Алексеевича Кропоткина, которые были написаны по пути к месту службы в Амурском казачьем полку: «Тут, на высшей точке главной цепи... я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса...»²⁸. Напряженность момента прощания с домом передается в контрастном противопоставлении родного пейзажа, с белыми колокольнями на горизонте, и «невообразимых», читай – невиданных и полных неизвестности, – лесов, раскинувшихся на востоке.

С другой стороны, попытка актуализации образа Азии приводит к смещению границы. Например, К.М.Станюкович, приехавший на Урал в период экономического кризиса горнозаводской промышленности, нарисовал мрачную картину упадка экономики и нравов, передвинув границу Азии к западу от Урала: «Из окон вагонов мы видели далекую синеву Уральских гор, перед нами мелькали знаменитые когда-то заводы... и незаметно перевалили хребет, очутившись географически в Азии. Я говорю «географически», потому что

близость Азии и азиатских нравов начала сказываться гораздо раньше географической границы»²⁹.

Несовпадение географической и ментальной границы не дает сформироваться целостному образу – картинка не совпадает со смыслом. Евро-азиатские столбы остаются официальной достопримечательностью, не имеющей эмоционального и смыслового наполнения для путешественника. Выразительной в этой связи кажется реакция пассажира вагона, запечатленная Н.Д.Телешовым во время его путешествия по Уральской железной дороге в 1894 году: «Подвигаясь вперед, мы проезжаем, наконец, на полном ходу географическую границу Азии и Европы. Несмотря на свою условность, это место вызывает некоторое движение среди пассажиров, даже, пожалуй, чуть уловимое волнение. Все выглядывают в окна, выходят на тормоз и так или иначе добиваются случая увидеть пограничные столбы, которыми, в подражание старине, на сибирском тракте отмечен конец Европы и начало Азии»³⁰. Судя по этому фрагменту, столбы воспринимались как местная достопримечательность, связанная, прежде всего, с памятью прошлого. В описанной ситуации их значение сводилось к дорожному приключению, когда на «полном ходу» нужно непременно «выйти на тормоз» или иначе «добиться случая», чтобы разглядеть мало эффектное сооружение в виде «двух *небольшых* решетчатых башенок, сложенных из рельсов и *окрашенных в белую краску*»³¹ (выделено мной – Е.В.). Легкая ирония, с которой описывает Телешов объект всеобщего внимания, подчеркивает «условность» его внутреннего содержания.

Евро-азиатская граница в процессе формирования уральской идентичности

²⁸ Кропоткин П.А. На пути в Восточную Сибирь: Корреспонденции из Восточной Сибири // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Красноперова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С.106.

²⁹ Станюкович К. М. В далекие края. Поли. собр. соч. Изд. 2-е. Т. 5. СПб., 1907. С. 447.

³⁰ Телешов Н.Д. Ук.соч. С.26

³¹ Там же.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

Еще один вектор десемiotизации евро-азиатской границы, на наш взгляд, был намечен в творчестве Д.Н.Мамина-Сибиряка. Упоминания о евро-азиатском перевале встречаются и в прозе, и в публицистике писателя. Однако для Мамина-Сибиряка важнее становится не пограничность Урала, а его самобытность, которая позволяет продуктивно соединять в себе разные культурные традиции. Урал, в представлении писателя, – это целая историческая полоса, сформировавшая особый социум: «Но этот случайный и зависимый характер нового города к концу XVIII столетия изменился, – невидимыми путями создавалась крепкая и сплоченная организация, проникавшая весь строй жизни. Выдвинулась на первый план целая историческая полоса, связывавшая Екатеринбург со всей Россией и Сибирью кровными узами; крепость могли упразднить, заводы и фабрики закрыть, мушкетерский полк увести в другой город. Но Екатеринбург все-таки остался бы и продолжал бы свое дело: эту новую роль придал ему раскол...»³².

Самобытность Урала для Мамина-Сибиряка связана с особым (отличным от великорусского, с одной стороны, и связанного с сибирским, с другой) укладом жизни, который определяется горным характером экономики, культуры и социума. Более того, Мамин-Сибиряк называет Урал периода николаевского правления «государством в государстве»: «тут были свои законы, свой суд, свое войско»³³.

В изображении Мамина-Сибиряка Урал становится центром мира, а не окраиной двух миров. Конечно, внешние путешественники в таком качестве Урал не воспринимали, но большинство из них вполне определенно говорили о целостности уральского пространства. Вот и в описаниях

евро-азиатской границы устойчивым мотивом становится указание на то, что характер местности и уклад жизни при ее пересечении не меняется. «Что касается природы и людей, то они как на западном, так и на восточном склоне совершенно одинаковы, что и следовало ожидать в виду незначительной высоты Урала и искусственности условной межматериковой границы,» – рассказывал о своих уральских впечатлениях автор популярного журнала «Записки Крымского горного клуба»³⁴.

Закрепление в уральском травелогe различий в географической локализации евро-азиатской границы, а также ее вариативная семиотизация становятся одним из симптомов преодоления транзитного образа Урала. Не смотря на многочисленные упоминания об Урале как преддверия Сибири, постепенно созревает самодостаточный образ уникального российского региона. Разлет в перестановках границы служит прямым подтверждением мысли Мамина-Сибиряка о том, что Урал представляет собой целостную историческую полосу.

Евро-азиатская граница как имиджевый ресурс

И все же, думается, что вместе с сюжетом евро-азиатской границы Уралом был потерян важный имиджевый ресурс. Об этом, в частности, говорят постоянные попытки его актуализации в современном ландшафте Урала. Пермские имиджмейкеры уже не раз представляли проекты, основанные на евро-азиатском сюжете уральской истории. Самыми крупными из них стали программы «Европа начинается в Перми» и «Пермь – культурная столица Европы». Однако они не смогли стать эффективными территориальными брендами. Более жизнеспособными оказались инициативы Екатеринбурга. Так, предприимчивые екатеринбург-

³² Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург: исторический очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12. Екатеринбург: Свердловгиз, 1948-1951. С. 259.

³³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. соч. С. 259.

³⁴ Сидоренко М. Д. Николае-Павдинская лесная дача на восточном склоне Урала // Записки Крымского горного клуба. 1902. № 2/3. С. 43.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

цы, осознавая туристическую привлекательность межконтинентального рубежа, установили еще один обелиск Европа-Азия в непосредственной близости от города, так чтобы знаковое место оказалось в зоне досягаемости туристов. Теперь здесь построен целый мемориальный комплекс, который считается одним из самых посещаемых туристических объектов Екатеринбурга. Масштабность проекта можно оценить по размаху запланированной инфраструктуры: «Новая туристическая площадка, состоящая из географического знака, парковки на 50 мест, кафе и сувенирного павильона, где можно получить сертификат «нарушителя границы» – это только первая очередь крупного инвестиционного проекта «Граница частей света» – культурно-развлекательного и историко-ландшафтного комплекса на границе Европы и Азии, многопрофильной инфраструктуры сферы торговли и услуг, индустрии развлечений, гостиничного бизнеса и музейного дела»³⁵. Очевидно, что местная власть и предприниматели возлагают большие надежды на туристический эффект предприятия.

Важно и то, что Екатеринбург не боится позиционировать себя азиатским городом. Здесь также срабатывает екатеринбургская деловая хватка: нужно использовать ресурс, а не пренебрегать им. В результате Екатеринбург формирует образ евро-азиатского города, который соединяет в себе европейские и азиатские черты. Эхом Мамина-Сибиряка, писавшего об особой связующей миссии Екатеринбурга, воспринимаются слова современного писателя Алексея Иванова, посвятившему городу отдельную книгу: «Город сумел вернуться к себе. «Ёбург» был только промежуточной стадией превращения «закрытого» советского Свердловска в евроазиатский буржуазный Екатеринбург эпохи

глобализма и хайтека»³⁶. Современным екатеринбуржцам удалось вдохнуть в образ границы актуальное содержание, сделав правильные акценты в ее геокультурной символизации и практическом использовании. Представляется, что главной причиной успеха в реабилитации евро-азиатского рубежа послужил пересмотр отношения к Азии. Конечно, этого не могло случиться в ситуации XIX века, когда отношение к Востоку определялось в категориях ориенталистского дискурса.

Заключение

Сравнивая Петербург и Оренбург как европейскую и азиатскую границы Российской Империи, В.Л.Каганский называет их «имперскими кристаллами». Их роднит переливающаяся имперским блеском смысловая неопределенность: «Но вот какой границы? Границы России - очевидно, но с чем? А что же находится между двумя границами, между границей Азии и Европы, что же это — не-Азия и не-Европа одновременно? Не-Европа и есть не-Азия? Эта негативная двойственность страны восхищает старых и новых евразийцев; двойное отрицание они переводят в двойное утверждение: сверхЕвропа и сверхАзия»³⁷. По мнению В.Л.Каганского, основная причина подобной неопределенности лежит в сфере имперских амбиций: «Всякая граница имеет две стороны, симметрична, а ее стороны равноправны; но граница Империи, центрированного и анизотропного пространства с качественными различиями направлений, – односторонняя и асимметрична»³⁸. Ментальность евро-азиатской границы, как и всех остальных имперских границ, носила колониальный характер. Она была односторонней и предполагала изначальную

³⁵ Путеводитель по Свердловской области. URL: http://gotoural.com/tourist_attractions/275. Дата обращения 10.03.2015.

³⁶ Иванов А. Ёбург. М.: АСТ; редакция Елены Шубиной, 2014. С.6.

³⁷ Каганский В.Л. Ук.соч. С.127.

³⁸ Там же.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

неполноценность внешнего по отношению к ней пространства.

Представления о евро-азиатской границе, отразившиеся в уральском травелогe XIX века, проявили возобладавшее в российском обществе ориенталистское отношение к Азии. Стремление власти путем обозначения границы зафиксировать

процесс объединения центральной и восточной России сталкивалось с глубоко укоренившимся в культурном сознании недоверием к Востоку. Несимметричность границы порождает ее географическую и семиотическую неустойчивость и разрушение.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

| «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века / “Geographically in Asia”: The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |

